
**ПОЭТ, МЕМУАРИСТ И АВТОР ПИСЕМ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО ОБЛИКА
В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЕВА**

О. В. Алексева

С конца 1810-х годов И. И. Дмитриев, уже авторитетный к этому времени писатель, довольно настойчиво развивает в письмах свое представление об *авторе* – высоком статусе, достойным которого оказывается далеко не каждый пишущий человек. Так, заканчивая письмо А. И. Тургеневу от 17 октября 1818 года, Дмитриев замечает в постскриптуме: «Перечитывая письмо, я сам почувствовал, как оно написано нескладно и вяло, словом, совсем не по-авторски, извинюсь только тем, что пишу тотчас после обеда и под шумок гостей моих»¹. Мысль о возможности или невозможности для того или иного писателя стать автором развивается Дмитриевым в письмах Д. Н. Блудову: «Словом, г. Аббат только что грамотен и не глуп, а не Автор» (12 июля 1820 года)², П. А. Вяземскому: «Они не имели вашей энергии подать по-авторски, явно свой голос в пользу первого нашего автора» (3 февраля 1821 года)³, А. С. Шишкову: «...сей молодой человек (С. Е. Рачич. – О. А.) соединяет в себе все качества, которые способны питать и усиливать дарования прямого автора...» (22 мая 1821 года)⁴, А. А. Дельвигу: «...остаток авторского самолюбия мешал мне бросить в вашу кошницу с яркими и свежими цветами зимний листок, сухой и бледный...» (14 декаб-

¹ Дмитриев И. И. Сочинения / Сост. А. М. Песков и И. З. Сурат. М., 1986. С. 391.

² Ильин-Томич А. А. «И мои» письма И. И. Дмитриева к Д. Н. Блудову // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–96. С. 479.

³ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 400.

⁴ Там же. С. 401.

ря 1825 года)⁵. Если соотнести время актуализации темы автора в письмах Дмитриева с этапами его творческой эволюции, то можно заметить: внимание к указанной теме в сознании писателя зарождается и растет в тот период его жизни, когда он начинает подводить итоги своей поэтической деятельности и заметно снижает свою творческую активность. Дмитриев еще будет писать и публиковаться: в 1818 году выходят его «Сочинения», в 1823 году – «исправленное и уменьшенное» издание «Стихотворений», в 1825 году – «Апологи в четверостишиях». Кроме того, он пишет мемуары. Но тем не менее в этот же период, и даже ранее, Дмитриев опять же в письмах начинает упорно отказываться от права называться поэтом. Его ключевые автохарактеристики – это «инвалид»⁶, «старый и присяжный рифмач»⁷, «отставной поэт»⁸, старик, «который и в лучшую пору жизни не много думал о своей поэзии»⁹; о своей поэтической деятельности: «милая двадцатилетняя привычка к стихокропанию»¹⁰. Столь подчеркнутое противоречие задано самим Дмитриевым, оно является актом его авторского поведения. Этим актом Дмитриев формирует в сознании современников восприятие своего позднего творчества как поэзии постскриптума и, кроме того, умело конструирует свой авторский образ. Он создает образ поэта, который не ценит не только литературную славу, но и самые результаты своей литературной деятельности; поэта, признающего неактуальность, необязательность и даже несерьезность своей фигуры в истории становления литературы. Внутренним механизмом этого демонстративного самоотречения является растождествление Дмитриева как конкретного человека, который писал и продолжает писать стихи (субъекта физической реальности) с образом Дмитриева как субъекта реальности литературной. И, повторюсь, этот образ создается Дмитриевым в финале его поэтической деятельности, то есть является итогом, к которому он приходит вполне намеренно. Он хочет, чтобы его воспринимали именно так.

В свете этого итога интересным представляется дуэт М. Т. Каченовского и И. М. Долгорукова, которые независимо друг от друга оценили Дмитриева и его творчество по одной и той же модели. Каченовский, отзы-

⁵ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева / Под ред. А. А. Флоридова. СПб., 1895. Т. 2. С. 292.

⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 398.

⁷ Там же. С. 400.

⁸ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева ... С. 233.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Там же. С. 203.

ваясь о баснях поэта, обидно отметил его «сенаторскую спесь»¹¹; Долгоруков, вспоминая свое общение с Дмитриевым, заключил безжалостным выводом: «...о нем я могу сказать, что он стихотворец чистый, приятный, мастерский, но никогда не назову его ни честным, то есть, по-моему, праводушным, ни добрым человеком. Сух, холоден, важен и ко всему нечувствителен»¹². Поводы у авторов приведенных высказываний различны: Каченовский выразил свое мнение публично, тем самым бросая вызов в стан литературного противника; Долгоруков просто коротал время, вспоминая прошлое и делясь воспоминаниями с членами своей семьи. Но модель оценки у обоих одинаковая: разговор начинается с творчества, затем переходит на, казалось бы, неуместную (и нелицеприятную) оценку личности. Выводы, к которым они приходят, также сходны: оба заметили (и негативно оценили) факт несовпадения Дмитриева – живого человека – с тем образом Дмитриева, который был создан в рамках его поэзии. Это наблюдение родилось в контексте карамзинского тезиса о непосредственной связи между творцом и его творением. По поэтическому тексту можно судить о его авторе, ибо «творец всегда изображается в творении и часто – помимо воли своей»¹³. Но в случае с Дмитриевым этот тезис оказался несостоятельным. Чувствительные стихотворения создавались «сухим, холодным, важным и ко всему нечувствительным» поэтом. Несовпадение сухого Дмитриева с образом чувствительного Дмитриева, который рисовался его читателям, да и самая обида, которую Дмитриев на долгие годы затаил на Каченовского за то, что тот перешел с анализа творчества на критику личности, – все это свидетельствует о том, что в творческой лаборатории Дмитриева, а соответственно и в литературной среде, в которой он вращался, создается важный для формирования русской литературы процесс. Это процесс рождения *образа автора*, близкого своему создателю, но не идентичного ему, в отличие от свойственного, например, русской оде XVIII века жанрово обусловленного условного автора.

Начало поэтической деятельности Дмитриева сопровождается доверительной, интимной перепиской, участники которой (с обеих сторон) характеризуют Дмитриева в первую очередь как поэта. Н. М. Карамзин – Дмитриеву: «Пиши, милый друг мой и брат по любви к Музам! Пиши! Ты поэт –

¹¹ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 383.

¹² Долгоруков И. М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Изд. подготовил В. И. Коровин. М., 1997. С. 106. (Литературные памятники).

¹³ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Н. М. Карамзин. Сочинения : в 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 60.

но неужели тебе это самому неизвестно?» (18 июля 1782 года)¹⁴; «Странное дело! Сперва говорим о стихах, а после о душевной горести. Но ты Поэт!» (6 сентября 1794 года.)¹⁵; Дмитриев – П. П. и И. П. Бекетовым: «Будучи по несчастью поэт, я всякий день летаю воображением около вас и вижу, с каким свежим румянцем просыпаетесь вы около одиннадцатого часа, с какою живостию каждый с своей постели пересыпает друг к другу невинные шутки, сопровождаемые дружбой и смехом, пьете не торопясь чай или кофе, принимаетесь за свои упражнения, садитесь за жирный стол, а вечером играете в карты, ворожите, льете олово, резвитесь» (26 декабря 1787 года)¹⁶. Поэт в представлении Дмитриева и его ближайшего сочувствующего окружения есть в первую очередь человек, наделенный даром поэтического воображения и, более того, поэтического преобразования действительности: «Поэт имеет две жизни, два мира; если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения и живет там по своему вкусу и сердцу...»¹⁷ В своем преобразовании действительности поэт, в концепции Карамзина, подобен ребенку, способному поверить в реальность собственного вымысла: «Наскучь горестью и скукой, мой любезный друг, и будь весел, как ребенок, сидящий на деревянном коньке своем. У тебя есть Пегас: садись на него и погоняй изо всей мочи; чем грустнее твоему сердцу, тем сильнее погоняй его...»¹⁸.

Но если Карамзин, говоря о поэтическом эскапизме, ищет примирения с действительностью, пусть иллюзорно, но все же снимает конфликт желаемого и действительного, то Дмитриев переживает свой поэтический дар как несчастье: «Будучи по несчастью поэт, я всякий день летаю воображением около вас и вижу...»¹⁹ Поэтические (воображаемые) картины разбиваются о непоэтическую реальность: «Как же я живу? Езжу, сплю и езжу, а теперь вдобавок и без шеи...» (26 декабря 1787 года П. П. и И. П. Бекетовым)²⁰. Воображение, прекратив свою работу, сталкивает поэта с грубой действительностью. Предаться своей фантазии до конца Дмитриев не может. Соприкосновение с вымыслом обязательно повлечет за собой его сравнение с реальностью – и вымысел проиграет.

¹⁴ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 50–51.

¹⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 376.

¹⁷ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 69.

¹⁸ Там же. С. 68–69.

¹⁹ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева ... С. 180.

²⁰ Там же.

В стихотворениях Дмитриева, в которых развивается тема поэтической фантазии, воображаемые миры, да и сама ситуация воображения переживаются несколько иначе. Например, в «Стансах к Н. М. Карамзину» (1793) поэт рассказывает о том, как звуки лиры и голос музы увлекли его в мир мечты:

Лиру я с стены снимал.
<...>
Все в глазах моих играло,
Я в волшебной был стране:
Солнце ярче луч бросало
И казалось Фебом мне.
В роще ль голос разольется
Сладкопевца соловья,
Сердце вмиг во мне забьется –
Филомелу вспомню я.
С нею вместе унываю
И доволен, что грушу!..
Но почто я вспоминаю
То, чего уж не сыщу?²¹

Дмитриев, казалось бы, действительно *воображает* «волшебную страну». Но важно то, как он это описывает. Это стихотворение являет собой тот случай, когда поэтический язык выдает с головой писателя: солнце для Дмитриева – это именно солнце, а не Феб. Оно лишь кажется Фебом («солнце ярче луч бросало и *казалось* Фебом мне»). Соловей – это не Филомела, это соловей, который помогает вспомнить о Филомеле. То есть внутри текста, в ткани его, некто (поэтическая проекция Дмитриева) как будто и уходит в мир мечты. Но тот же самый текст показывает, что этого выхода за пределы реальности не происходит. Дмитриев не самозабвенен в своей поэзии.

Эта же ситуация будет намечена и опять же не получит своего развития и в «Послании к Н. М. Карамзину» (1795), где он хочет и не может резвиться вместе с детьми, и в послании «К Севериной на вызов ее написать стихи» (1794), где Дмитриев почти было поверил в то, что он – житель

²¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 123–124. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)

Древней Греции и поэт. Но вся эта вера оборачивается трезвым замечанием: «Но увы! мой ум мечтает; Сколь далек я от Афин!..»²² Показательно в этом отношении и стихотворение «К Волге» (1794), где лирическое созерцание волжских берегов переходит в (полу)олическое созерцание прошлого России:

А твой певец в сии мгновенья
 На крыльях воображенья
 В протекших временах летал.
 Летал, и будто сквозь тумана
 Я видел твой веселый ток
 Под ратью грозна Иоанна,
 И **видел** Астрахани рок.
 Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны
 И сыплют стрелы по судам:
 Бесстрашный росс на брег ступает
 И гордо царство упадает
 Со трепетом к его стопам²³.

Рассказ о воображении прошлого перерастает в рассказ очевидца. Причем это рассказ не биографического автора. И здесь хорошо заметна еще одна черта создаваемого образа: он не только мечтатель, но и «визионер», из всех органов восприятия у него наиболее развито зрение:

Не шумны петь хочу забавы,
 Не сладости цитерских уз,
 Но да воззрю с полей широких
 На красну, гордую Москву...

(Освобождение Москвы, 1795)²⁴

Уже я всей вселенны зритель
 И вижу там и сям и карлов, и духов,
 И визирей рогатых,
 И рыбок золотых, и лошадей крылатых,
 И в виде кадиев волков...

(Воздушные башни, 1794)²⁵

²² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 127. Выделено мной. – О. А.

²³ Там же. С. 88.

²⁴ Там же. С. 82–83.

²⁵ Там же. С. 168.

...вдруг на свет выхожу
И новую для глаз картину нахожу:
Открытые поля под золотою нивой!
Везде блестят серпы в руке трудолюбивой!..

(Послание к Н. М. Карамзину, 1795)²⁶

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
С завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

(К младенцу, 1792)²⁷

Автор в стихах Дмитриева не столько мечтатель-поэт, сколько художник:

Какое зрелище для нежных души!
О Грез! Дай кисть свою иль сам ты напиши!

(К А. Г. Севериной, 1791)²⁸

Кто даст мне кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всех на лицах и в сердцах?
Да яркой изразу чертою
Народ, воскресший на стенах,
На кровях, и с высот к герою
Венки, летящи на главу;
И клир, победну песнь поющий
С хоругви в сретенье идущий;
И в пальмах светлую Москву!..

(Освобождение Москвы, 1795)²⁹

Взгляд художника, останавливающего движение жизни, движение времени в статическую картину, то есть превращающего жизнь в произведение искусства, есть черта самого Дмитриева: «Если б я умел рисовать, то

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Там же. С. 284.

²⁸ Там же. С. 125.

²⁹ Там же. С. 86.

представил бы юношу, точь-в-точь Василия Андреевича, лежащим на недоконченном фундаменте дома; он одною рукою оперся на лиру, а другою протирает глаза, смотрит на почтовую карету и, зевая, говорит: "Успею!" "Это будет подписью под картиною» (15 ноября 1805 года Жуковскому)³⁰. В мемуарах: «...прихаживало мне на мысль, что я родился живописцем, а не поэтом, по крайней мере – поэтом в живописи: каждое замечательное местоположение, все живописные сцены утра, вечера или ночи, заставляли меня вздохнуть: для чего я не живописец и не могу тотчас остановиться и перенести все виденное на холст или бумагу»³¹. Но если сам Дмитриев переживает невозможность создания изобразительной картины, то его поэтические тексты и образ их автора лишь выигрывают от синтеза визуального и вербального начал.

Как видим, черты образа автора во многом дублируют черты самого Дмитриева: поэзия Дмитриева автобиографична в своей основе, за исключением сатирических произведений, где образ автора, в силу самого жанра этих текстов, предельно условен. Отделившись от своего создателя, образ автора впитал в себя лучшие его черты: взгляд живописца, мечтательность, отзывчивость на внешние послылы, высокую (как у ребенка) степень эмоциональности. Образ автора в поэзии Дмитриева – это поэт *par excellence*, только поэт, в отличие от самого Дмитриева, жизненный опыт которого гораздо богаче, для которого поэзия – лишь *одно из* его многочисленных занятий.

Смертельно обиженный на Каченовского, Дмитриев оказался жертвой созданного в поэзии образа Дмитриева и в целом жертвой литературной ситуации конца XVIII – начала XIX века, когда читатели только еще начали учиться отличать лирического героя от автора текста, биографического автора от образа автора. И, наверное, попыткой освободиться от литературного двойника объясняются и язвительные автохарактеристики, которые Дмитриев щедро разбрасывал в своих письмах начиная с 1806 года, и первая (литературная) часть мемуаров, в которой Дмитриев пусть косвенно, но все же отстаивает право быть собой. Созданные «поэтом времен Екатерины и министром Александра» мемуары и зрелые письма Дмитриева – это в какой-то степени попытка оставить образ Дмитриева-поэта в прошлом, освободиться от него. Насколько действенными оказались попытки Дмитриева, сказать сложно. Но стремительное развитие литературы в начале XIX века, превратившее поэта при жизни в «живой памятник прекрасного века»

³⁰ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 380.

³¹ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева ... С. 51–52.

(П. А. Плетнев)³², в «достопримечательность» (А. Я. Булгаков)³³ или, как характеризовал себя сам Дмитриев, в «инвалида восемнадцатого столетия»³⁴, нейтрализовала то напряжение, которое создавалось на полюсах реальности и литературы. И в последние годы своей жизни Дмитриев имел возможность почувствовать себя Автором и, посылая свои тексты в печать, беспокоиться не о самоидентичности, а о чистоте авторского слога, списывая все его несовершенства на свою далекую творческую юность и тем самым принимая последний в своей жизни образ – образ поэта ушедшей эпохи: «...я не классик, не романтик, ни даже вдохновенный, а просто смиренный самоучка, прогулявший всю молодость свою зевакою в цветниках поэзии» (18 декабря 1836 года)³⁵.

³² Плетнев П. А. О литературных утраках. Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1. С. 332.

³³ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины (3 окт. 1837 г.). СПб., 1902. С. 17.

³⁴ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. СПб., 1898. С. 55.

³⁵ Там же. С. 79.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010